

Глава 25. Глубокие чувства у моста над Мелким ручьем

Пятый год правления Юйчэн, шестой лунный месяц, дни великого зноя

В разгар нестерпимого летнего зноя шестого месяца, на пятом году правления императора Юйчэна, главный распорядитель Зала Резонирующей Гармонии и управитель Департамента императорского двора Ван Юаньчэнь отправился в путь за тысячи ли. Великий евнух, чье слово имело безграничный вес в императорском дворце, вез с собой священный указ.

Вообще, по законам Небесной династии, оглашение указов поручалось особым дворцовым посланникам — тем, кто имел вес в глазах государя. Но этот указ затрагивал интересы генерала Чун Дая и старого военачальника Фу Юаньтая, а также незримыми нитями связывал их с шестым принцем, принцем Чэн по имени Чун Ю. Поэтому император Юйчэн долго размышлял над выбором посланника и в конце концов решил отправить самого Ван Юаньчэня. Этим шагом он желал выказать особое уважение всем троим.

Еще два месяца назад Чун Ю узнал о скором прибытии Ван Юаньчэня. Император ранее прислал ему тайное послание, в котором весьма туманно отозвался на предложения принца в его докладе, лишь вскользь упомянув: «В душе Моей царит покой» и «Береги себя, не утруждайся излишне». Чун Ю перечитывал это письмо снова и снова, пытаясь разгадать истинные намерения государя, но тщетно.

За месяц до приезда Ван Юаньчэня Чун Ю принялся приводить в порядок почтовую станцию и проверять списки подношений, в то время как великий генерал Фу Юаньтай муштровал войска и готовил церемонию военного смотра. Чун Дай, находившийся при ставке главнокомандующего, лично отвечал за конную стрельбу. Под его началом находились те самые две тысячи всадников, некогда переданные из Лагеря Доблестной Кавалерии Хун Жуцзиня.

Когда они только прибыли на окраину империи, дела их шли из рук вон плохо. Здешние ветераны, старые соратники Фу Юаньтая, и в грош не ставили столичных неженков. И лишь Чун Дай, будучи для них старым знакомым и к тому же человеком знатного происхождения, снискал их доверие. Он держался скромно, выказывал искреннее дружелюбие и заботился о каждом воине. Вскоре эти две тысячи человек прониклись к нему безграничной преданностью и подчинялись малейшему его жесту. В войсках их стали уважительно именовать «Армией Дай».

Закаленная тренировками Чун Дая, Армия Дай быстро набрала грозную силу. Весной, во время столкновения с северными варварами бэйди, они разделились на мелкие отряды и совершили дерзкий налет на ставку вражеского полководца — великого генерала Чорнаймэнь Цзинь Фэйбу. Тот был вынужден спешно отступить. После этого сражения слава об Армии Дай прогремела на всю округу.

Именно эта победа укрепила решимость Чун Ю подать императору прошение о возвышении Чун Дая. Тот факт, что для оглашения воли императора из столицы за тысячи ли прибыл сам близкий слуга государя Ван Юаньчэнь, доказывал, насколько серьезно император отнесся к этому докладу.

По незыблемым законам династии евнухи не имели права отдаляться от императорского дворца более чем на тридцать ли, за исключением тех случаев, когда они сопровождали самого государя. Это могло означать лишь одно: вместе с Ван Юаньчэнем едет другой высокопоставленный чиновник — императорский инспектор, наделенный особыми полномочиями для тайной ревизии окраин. Однако из самой столицы Тяньцзина не просочилось ни единого слуха на этот счет.

В исходе второго часа пополудни палящий зной за пределами заставы Медной Горы наконец начал спадать. Небо затянуло плотными облаками. Горячий ветер, ворвавшийся в сад при резиденции инспектора армии, всколыхнул заросли цветущей сирени, и лепестки лавиной осыпались на землю.

Слуги вынесли из боковой комнаты тяжелую кушетку из ценной древесины хуанхуали, украшенную тонкой резьбой в виде цветов персика, и установили ее прямо на мосту над Мелким ручьем. Его Чун Ю приказал построить в нынешнем году. То был особый, полускрытый водой мостик, состоявший из трех секций: центральная представляла собой изящную арку, а две крайние — ровные настилы из ореховых досок, скрепленные прочными железными цепями.

Слуги опустили кушетку на деревянный настил у самого края воды, надежно закрепив ее цепями. Ложе оказалось всего на два пальца выше бегущего потока. Сверху постелили прохладную циновку, сплетенную из тонких пластин нефрита. Не прошло и нескольких мгновений, как нефрит впитал влажную прохладу ручья, став ледяным на ощупь. В такой невыносимый летний зной стоило лишь прилечь здесь, как тело тут же окутывала спасительная свежесть.

Чун Ю еще не проснулся. Его доверенная служанка Нуаньлун раскрыла над водой широкий зонт из банановых листьев. Пятицветные шелковые кисти колыхались у самой поверхности воды, затеняя ложе от редких лучей солнца.

Едва пробило три часа дня, двери кабинета бесшумно отворились. Чун Ю вышел на порог, облаченный в легкий шелковый халат нежно-зеленого оттенка. Он был бос. У входа его уже ждали легкие бамбуковые носилки на двоих, готовые доставить хозяина к Мелкому ручью.

Устроившись на сиденье, Чун Ю прикрыл глаза и негромко спросил:

— Где генерал Чун?

Нуаньлун, шедшая рядом с носилками, отозвалась:

— Давеча Чун Лю-эр передал, что молодой генерал все еще на плацу, проводит смотр войск.

Чун Ю лишь слегка кивнул. Девушка едва заметно улыбнулась и, выразительно глядя на него, добавила:

— Я уже велела привратникам: как только молодой генерал прибудет, пусть ведут его прямо к Мелкому ручью.

Чун Ю тихо рассмеялся:

— Плутовка. Года твои малы, а хитрости не занимать. Какую награду ты выторговать пытаешься?

Он скользнул по ней взглядом. Его волосы были небрежно перехвачены полоской шелковой ткани бирюзового цвета, обнажая изящные изгибы шеи. Заметив, что служанка засмотрелась на эту ленту, принц развязал ее и протянул девушке:

— Ах ты девка, и впрямь толк в вещах знаешь. Эту шелковую ленту соткали в Мануфактурном управлении специально к шестидесятилетию юбилею покойной вдовствующей императрицы, в двадцатый год правления Лунчжэн. Для ее изготовления использовали редчайший шелк гусениц-шелкопрядов «цинъю». Они водятся лишь в дикой природе, и приручить их невозможно, оттого и пряжи удастся собрать крупницы. Мануфактурное управление трудилось не один год, чтобы соткать всего десяток таких лент.

Нуаньлун бережно приняла шелк, изумленно глядя на него:

— Я лишь подумала, что цвет дивный, а у этой вещи, оказывается, столь благородное происхождение!

Чун Ю благодушно усмехнулся:

— Какое там благородное... Обычная безделушка. Вдовствующая императрица тогда пожаловала по две штуки императору и мне. Помню, по углам у них были нашиты коралловые и яшмовые бусины. Они так раздражающе звенели, что я велел их срезать, оставив простой шелк для волос. За это мне знатно влетело от покойного батюшки-императора.

Бережно свернув ленту и спрятав ее за пазуху, Нуаньлун поллюбопытствовала:

— А где же вторая?

— Подарил близкому другу.

— Уж не молодому ли генералу?

Чун Ю молча покачал головой.

За разговорами они незаметно подошли к Мелкому ручью. Чун Ю ступил на влажные доски и опустился на кушетку. Когда слуги подали чай и расставили легкие угощения, принц жестом велел им удалиться.

Он неторопливо съел засахаренный арахис с финиками и вновь прикрыл глаза. Спустя некоторое время налетевший порыв ветра растрепал шелковые кисти на зонте, перепутав их между собой. Чун Ю лениво повернулся на бок и с мягкой улыбкой произнес:

— Цзыхоу, ты пришел.

Чун Дай предстал перед ним в парадном воинском облачении. На нем был белоснежный боевой халат, расшитый темно-зелеными цилиндрами, изрыгающими пламя. Талию стягивал широкий золотой пояс, в центре которого красовался изумруд величиной с кулак. Колени защищали медные щитки с таким же узором, а на ногах красовались мягкие походные сапоги на толстой подошве.

Он стоял против ветра — статный, подтянутый, излучающий силу и благородство.

Чун Дай почтительно поклонился:

— Я видел, что ваше высочество отдыхает, и не смел тревожить.

С этими словами он сделал шаг вперед. После возвращения с заставы Небесного Замка Чун Ю упорно избегал встреч с ним. Сколько бы раз Чун Дай ни приходил, слуги разворачивали его у порога, а все военные доклады, требовавшие подписи инспектора армии, передавались исключительно через Чун Лю-эра. Даже старый генерал Фу Юаньтай заметил эту внезапную холодность принца.

И вот теперь Чун Ю сам прислал приглашение. Стоило Чун Лю-эру передать весть, как Чун Дай, даже не успев умыться и переодеться после плаца, поспешил в резиденцию.

Однако теперь, стоя перед Чун Ю, молодой генерал ощутил неловкость. Между ними безмолвно выросла стена из запретов и недомолвок, которую невозможно было ни перешагнуть, ни объяснить словами. Брошенные некогда принцем слова: «Я останусь принцем, а ты волен и дальше пребывать в своем любовном безумии», все еще болезненным эхом отзывались в его сердце.

Нуаньлун с мягкой улыбкой подошла к мосту, вежливо поклонилась Чун Даю и убрала зонт из банановых листьев. Чун Ю лежал на боку, его длинные черные волосы разметались по

кушетке, словно речные водоросли; некоторые пряди спускались к самой воде, плавно покачиваясь в такт течению.

Молодой человек медленно подошел ближе. Чун Ю подвинулся назад, уступая ему место на ложе. Чун Дай помедлил мгновение. Сконцентрировав внутреннюю силу ци в средоточии груди, в точке Юйтань, он легко ступил на водную гладь. Под его сапогами пошли круги, но сам он ни на вершок не погрузился в воду.

Чун Ю восхищенно прищурился:

— Цзыхоу, неужто это и есть тот самый «Лотос тысячи шагов», о котором столько говорят?

Удерживая дыхание, Чун Дай не мог ответить вслух, а лишь сдержанно кивнул с легкой улыбкой.

Принц слегка похлопал по кушетке, приглашая его присесть рядом. Чун Дай едва заметно оттолкнулся носком от воды и плавно скользнул вперед. Чун Ю уловил лишь промелькнувшую перед глазами темно-зеленую вспышку вышитого цилиндя, и в то же мгновение молодой генерал уже опустился на край ложа.

— Этот арахис в меду очень недурен, попробуй, Цзыхоу.

Чун Дай взял небольшое лакомство.

«Этот вкус все же сильно уступает тому, что мы когда-то пробовали с Сяошанем в тереме Хуайян»

Чун Ю лениво перевернулся на спину и спросил:

— Где сейчас Ван Юаньчэнь?

— Докладываю вашему высочеству: почтенный евнух Ван остановился в восьмидесяти ли от города. Завтра на рассвете он прибудет в крепость.

— Стало быть, ночь он проведет на почтовой станции Пинхэ?

— Именно так. Великий генерал уже подготовил все необходимое для встречи.

Чун Ю задумчиво произнес:

— То, что Ван Юаньчэнь лично везет указ за тысячи ли, — событие из ряда вон выходящее.

Задумывался ли ты над этим, Цзыхоу?

Чун Дай принял из рук слуги чашу с чаем и устремил задумчивый взор на воду. Чун Ю приподнялся на локте, пристально разглядывая профиль собеседника. Со времен их последней встречи на заставе Небесного Замка Чун Дай заметно возмужал: плечи его раздались, линия челюсти утратила прежнюю юношескую мягкость, став жесткой и упрямой. Над тонкой верхней губой проступила темная тень усов.

Чун Ю протянул ему еще одну горсть арахиса, и в этот момент услышал тихий голос Чун Дая:

— То, что евнух Ван явился сам, действительно нарушает все дворцовые устои. Но меня больше тревожит другое: кто назначен императорским инспектором? Почему это держится в такой строгой тайне?

Чун Ю холодно и горько усмехнулся:

— Надо же... Тебя совсем не заботит содержание самого указа, Цзыхоу. Все твои мысли лишь о том, кто прибудет сюда.

<http://bllate.org/book/19874/2041073>